

Новое время. Петерб. 1900г.

КАРТИНКИ И РАЗГОВОРЫ.

Юбилейный бенефисъ г-жи Савиной—событіе, какого мнѣ не приходилось видѣть на сценѣ. Оваціи въ честь Маріи Гавриловны тянулись дольше, чѣмъ актъ какой-нибудь сумбатовской пьесы. Во время рѣчей, какъ бы по установленному церемонаіалу, происходила «безъ-менъ», на что виновница торжества отвѣчала поцѣлуйми.

Слава Богу! мы шагнули впередъ и Савинскій юбилей можно будетъ считать эпохою кореннаго преобразованія формы чествованія талантовъ на русской сценѣ. До сихъ поръ чествователи или ничего не говорили, или говорили глухо, путались и умолкали, резюмируя все привѣтствіе словомъ «примите» и слезами, порою поддѣльными. Теперь рѣчи, адреса и привѣтствія—на этотъ разъ исключительно въ прозѣ! Но не только измѣнившуюся форму чествованія хотѣлось бы отмѣтить,—нѣчто болѣе пріятное бросалось въ глаза на вчерашнемъ праздникѣ искусства—это участіе въ немъ представителей литературы. Никто никогда не звалъ въ дни театральнаго празднества литературу за кулисы, а напротивъ мѣстное начальство поглядывало на нее, какъ на чуму. Можетъ-быть и вчера обошлись бы безъ нея, но тутъ помогло имя Савиной, могучій талантъ ея, которому литературныя общества и многіе писатели считали своимъ долгомъ по личной инициативѣ воздать дань по заслугамъ. У меня запечатлѣлась въ памяти несложная програма прежнихъ театральнаго юбилеевъ, а именно—Андріе съ вѣнкомъ отъ Михайловскаго театра, вѣнокъ отъ оперы, отъ балета, нѣсколько поцѣлуйевъ, слезы и занавѣсъ! И вдругъ такая перемена, что даже товарищи Савиной заговорили. Напримѣръ, г. Сазоновъ выступилъ съ рѣчью, произнесъ ее съ горячностью г. Карабчевскаго, ясностью князя Урусова и убѣдительностью Федора Плевако.

— Заучено!—кольнулъ Сазонова сидѣвшій позади меня добродушный старикъ, про котораго говорятъ, что онъ «съ хитрецою».

— Вѣроятно подготовился,—объяснила старику сосѣдка,—и адвокаты готовятся и профессора. Сазоновъ сказалъ хорошо. Бѣдная Савина, сколькихъ ей приходится перещеловать.

Публика привыкла къ коротенькимъ традиціоннымъ оваціямъ на сценѣ и появленіе вчера изъ толпы каждаго новаго депутата вызывало сначала удивленіе, и присутствовавшіе произносили—«еще», а потомъ «еще» перестали говорить. Чтецовъ и ораторовъ судили въ толпѣ добродушно: про П. М. Медвѣдева замѣчали, что онъ читалъ про себя, повышая изрѣдка голосъ и затѣмъ снова переходя, какъ говорятъ профессора драматическаго искусства, къ выразительному шопоту. Всѣ знаютъ, что г. Медвѣдевъ далъ просторъ таланту Савиной въ провинціи, такъ-сказать открылъ этотъ талантъ, а за подобное открытіе можно было простить и вчерашнее чтеніе.

— Далматовъ!—пронеслось какъ вихрь среди публики.

Премьеръ Малаго театра читалъ адресъ нѣсколько нараспѣвъ, тѣмъ самымъ тономъ, какимъ говорятъ актеры, изображающіе трагика Несчастливцева.

Чтеніе адресовъ прерывали громы аплодисментовъ и «безъ-менъ», въ которомъ обязательно принимали участіе депутаціи въ полномъ составѣ.

Зрительный залъ нарядный, свѣтское общество, посѣщающее русской театръ въ дни чрезвычайныхъ спектаклей или первыхъ представленій пьесъ, написанныхъ титулованными или знатными драматургами, аристократія Гостиного двора, финансовая аристократія,—еврейская и русская, интеллигенція, молодежь, множество артистовъ, артистокъ и др. Нѣкоторыя мѣста занимали въ двѣ смѣны: до 10 часовъ вечера сидѣли одни, а послѣ десяти ихъ замѣняли другіе. Если бы праздникъ Савиной перенести на Марсово поле, то и тамъ бы мѣста не хватило для желающихъ.

Туалеты прекраснаго пола ничѣмъ не выдавались, хотя попадались платья, говорившія сами за себя, что ихъ сочиняли, кроили и шили на берегахъ Сены, а не Фонтанки. Декольте у посѣтительницъ русскаго театра не въ модѣ, да можетъ-быть и къ лучшему, потому что, ожидая по часу карету въ театральнахъ сѣняхъ, трудно не простудиться. Посыльныхъ найти вчера было невозможно, а каретъ у театра по точнымъ свѣдѣніямъ стояло полгораста. Приходилось мириться съ положеніемъ и забыть, что время деньги и что хочется спать, а потомъ кричать, подобно Чацкому: «Пошелъ ищи. Не ночевать же тутъ».